нихъ желаніе доводить до свѣдѣнія власти о своихъ нуждахъ, «безсмысленными мечтаніями.»

И что же? Русское общество возмутилось, просвѣщенные, честные люди — либералы — высказали свое негодованіе и отвращеніе, по крайней мѣрѣ воздержались отъ восхваленія такого правительства и отъ участія въ немъ и поощренія его? Нисколько. Съ этого времени начинается особенно напряженное въ запуски восхваленіе и отца, и подражающаго ему сына, и не слышится ни одного протестующаго голоса, кромѣ одного анонимнаго письма, осторожно выражающаго неодобреніе поступку молодого царя, и царю подносятся со всѣхъ сторонъ подлые, льстивые адресы, и, почему то, всякаго рода иконы, которыя никому ни на что ненужны и служатъ только предметомъ идолопоклонства грубыхъ людей. Устраивается ужасающая по своей нелѣпости, безумной тратѣ денегъ, коронація; происходятъ отъ презрѣнія къ народу и наглости властителей, страшныя бѣдствія погибели тысячей людей, на которыя виновники ея смотрятъ, какъ на маленькое омраченіе торжествъ, которыя не должны отъ этого прекращаться; устраивается никому, кромѣ тѣхъ, кто устроили ее, ненужная выставка, на которую тратятся милліоны; съ неслыханной прежде наглостью выдумываются въ канцеляріи синода новыя, самыя глупыя средства одуренія народа, — мощи человѣка, про котораго никто ничего никогда не зналъ; усиливаются строгости цензуры; усиливаются гоненія за вѣру; продолжается положеніе охраны, т. е. узаконенное беззаконіе, и положеніе становится все хуже и хуже.

А я думаю, что всего этого не было бы, еслибы тѣ просвѣщенные и честные люди, которые теперь заняты либеральной дѣятельностью на почвѣ законности въ земствахъ, комитетахъ, подцензурной литературѣ и т. п., не направляли бы свою энергію на то, чтобы въ формахъ, учрежденныхъ самимъ правительствомъ, какъ нибудь обмануть его и заставить дѣйствовать себѣ на вредъ и погибель,**) а только на то, чтобы ни въ какомъ случаѣ не участвуя въ правительствѣ и ни въ какихъ дѣлахъ, связанныхъ съ нимъ, отстаивать свои личныя права человѣка.

«Вамъ угодно вмѣсто мировыхъ судей учредить — земскихъ начальниковъ съ розгами, — это ваше дѣло; но мы не

**) Иногда мнѣ просто смѣшно подумать, какъ могутъ люди заниматься такимъ очевидно невозможнымъ дѣломъ, точно какъ думать, что можно отрѣзать у животнаго ногу такъ, чтобы оно не замѣтило.